

В.А. Редькин

**«БЫЛИННОЕ ПОЛЕ» А. ГАНИНА
КАК МИФОЛОГИЧЕСКАЯ ПОЭМА**

Алексей Ганин – яркий представитель новокрестьянской поэзии, сподвижник Сергея Есенина, Николая Клюева, Сергея Клычкова, Петра Орешина, Пимена Карпова. По большому счету, это были поэты национально ориентированные, носители русской идеи, и в условиях господства идеологии пролетарской революции, когда считалось, что пролетариат не имеет родины и национальности, трагическая судьба их была предрешена. Осенью 1924 года в числе группы молодежи Алексей Ганин был арестован. Основной уликой посчитали найденные у поэта при обыске тезисы «Мир и свободный труд – народам», где он выявлял антинародную сущность Октябрьской революции и существующего режима. «Ясный ум народа предательски ослеплен, – подчеркивал поэт. – Святыни его растоптаны, богатства его разграблены... За всеми словами о коммунизме, о свободе, равенстве и братстве народов таится смерть и разрушение». 30 марта 1925 года по решению военного трибунала на основании сфабрикованного дела о принадлежности Ганина к «Ордену русских фашистов» он был расстрелян¹. И хотя военным трибуналом Московского военного округа 6 октября 1966 года дело Алексея Ганина было пересмотрено и «прекращено за отсутствием в его действиях состава преступления» и он был посмертно реабилитирован, настороженное, предвзятое отношение к нему остается у многих литературоведов до сих пор. Значение его творчества недооценено и из всей когорты новокрестьянских поэтов менее всего изучено.

Большинство публикаций, появившихся в связи со 100-летием со дня рождения писателя, носили общий оценочный характер, касалось его биографии и судьбы. Немало написано о дружеских и творческих контактах А. Ганина с С.

---

¹ «К тебе пришел я, край родимый...»: Книга о судьбе и творческом наследии вологодского поэта Алексея Ганина. Вологда, 2005. С. 40. А. Михайлов указывает дату гибели поэта 30. III. 1937. (Русские писатели: XX век. Библиографические словарь. Ч. 1. М., 1998. С. 340).

Есениным. Творчество А. Ганина вводят в контекст поэтов есенинского круга. Краткую характеристику жизни и творчества поэта можно найти в работах Ст. Куняева, А.И. Михайлова, Н.Н. Парфенова, Ю.И. Дюжева, В. Белкова и некоторых других авторов газетных и журнальных публикаций. По общему признанию, одним из центральных и совершенных произведений А. Ганина является поэма «Былинное поле» – «вершина творческого понимания Ганиным жизни крестьянства как великой космической работы, рождающей живую связь человека с матерью-сырой землей», как писал, например, Станислав Куняев¹. Но исследователи, которые так или иначе останавливали свое внимание на этом произведении (Ст. Куняев, А.И. Михайлов², А.А. Романов,³ Н.Н. Парфенов,⁴ В.А. Новоселов⁵), не дали целостной и всесторонней жанрово-стилевой характеристики поэмы.

Если говорить о жанре поэмы А. Ганина как системе, то следует подчеркнуть, что с точки зрения родовой – это произведение эпическое, тип творчества – духовный реализм, основная идея поэмы – критика революции и сложившейся социальной системы, пафос поэмы – трагический, произведение опирается на фольклорные традиции. Национально-мифическое время накладывается на национально-историческое, а космическое пространство на конкретно-национальное. Поэма сюжетная, но с точки зрения стиля она ассоциативно-метафорическая и мифопоэтическая. При этом системообразующей доминантой является её мифологический характер.

В поисках новых форм художественной выразительности, в стремлении глубже проникнуть в суть бытия поэма XX века не могла не обратиться к широкому использованию мифа в его традиционных формах и к мифотворчеству. По сути, поэма А. Ганина «Былинное поле» сближается не только с поэмами С. Есе-

---

¹ Куняев Ст. Жизнь и смерть поэта // Алексей Ганин. Стихотворения. Поэмы. Роман. Архангельск. 1991. С. 13.

² Михайлов А.И. Пути развития новокрестьянской поэзии. Л., 1990. С. 152 – 153.

³ Романов А.А. «В минуте грозы на столетья беды...»: Поэт Алексей Ганин и его лучшее творение «Былинное поле» // Романов А.А. Искры памяти. Вологда, 1995. С. 18 – 24.

⁴ Парфенов Н.Н. Эпическая поэма Алексея Ганина // «Красный Север» (Вологда), 1978, 27 сентября. С.4.

⁵ Новоселов В. А.А. Богданов. Вологда и крестьянские поэты // Север (Петрозаводск). 1993. №10. С. 149 – 152.

нина и Н. Клюева, но и с поэмами В. Хлебникова и раннего В. Маяковского, А. Блока и К. Бальмонта. Разрабатывая проблему мифологического стиля, П.С. Саккулин писал: «Мифологические признаки стиля поэта нужно искать а) в его тематике, б) в его эйдологии (то есть в образной системе – В.Р.), в) в композиции преобладающих жанров, г) в семантике и композиции поэтической речи»¹. Мифологические модели не утрачивают своей роли по мере художественного развития человечества. Мифологизация, возникшая как художественный прием, стала частично превращаться в художественное видение мира. При этом ощущение своих безграничных творческих возможностей, стремление к корням народной культуры заставляет художника создавать миф. То, что казалось романтической фантазией, мифотворчеством, чуть ли не мистикой, предстало глубинным постижением действительности.

Истинный художник всегда стремится выявить скрытые явления мира, чтобы постигнуть его суть. Эта тенденция характерна и для Алексея Ганина. Для него свойствен эпический взгляд на мир и человека как на единое целое, что обусловило форму поэмы. Он создает сложную космологическую модель мира, имеющую оборотную сторону эмпирии: духовность, борьбу изначальных сил добра и зла, света и тьмы. По словам исследователя, «герои мифов, как правило, олицетворяли собой силы, с помощью которых человек вступал в духовную связь с миром»². Ориентация на традиционный миф дает поэту необыкновенно широкие возможности. Он добивается универсальных обобщений, выявляя скрытые связи всего со всем. Д. Максимов подчеркивал, что мифопоэтическая литература «может преломлять содержание действительности в таких фантастических, гротесковых, гиперболических образах, которые, противореча эмпирически воспринимаемому порядку вещей, воспроизводят их объективно-субъективную, то есть пропущенную через человеческое восприятие, сущность точно и обобщенно»³.

---

¹ Саккулин П.Н. Филология и культурология. М., 1990. С. 143.

² Неженец Н.И. Поэзия народных традиций. М., 1988. С. 6.

³ Максимов Д.Е. О мифологическом начале в лирике Блока // Творчество А. Блока и русская культура XX века: Блоковский сборник III. Тарту, 1979. С. 18.

А. Ганин избирает объективную манеру повествования. В эпическом сюжетно-повествовательном произведении автор-повествователь играет важнейшую роль. Его голос то сливается с голосом героя, то отстраняется от него, передавая «объективный» ход событий. Авторское отношение проявляется исподволь. В поэме как бы расставляются нравственные оценки, когда говорится о совести, патриотизме, прекрасных порывах души и обретении цели жизни. Эти ценности объединяют все миры: героев, повествователя и читателя, мир далекого прошлого и тревожного будущего, мир воображаемый и мир реальный. В отличие от традиционного мифа мифологическая поэма не обладает амбивалентностью.

Прямого лирического голоса, выражения чувств и публицистического пафоса здесь нет. Подобная форма не случайна. Она в наибольшей мере соответствует мифическому содержанию произведения, когда, казалось бы, сказочные образы претендуют на раскрытие глубинных связей и тайн мира. Поэт стремится выразить сущность действительности. Конечно, А. Ганин вряд ли разделяет философские концепции Платона или В. Соловьева, однако ему оказываются неожиданно близкими художественные принципы символистов.

Поэт на наших глазах, опираясь на фольклор, творит миф о правнучке Микулы и его возлюбленной Ладе-Заре, об их так и не состоявшейся свадьбе и гибели героя в попытке обрести счастье. Таким образом, мифологичен сам сюжет произведения. Микулыч олицетворяет богатырское начало русского национального характера, его исконную связь с Землей и стремление к Небу, Свету, Красоте. Микула Селянинович в русских былинах – простой крестьянин, богатырь-пахарь. Только он может поднять суму с тягой земной, выдернуть из земли и бросить за ракитов куст свою сошку. Он олицетворял не только крестьянство, но и весь русский народ. Весь род Микулов, а значит, весь русский народ любит мать – сыра земля. Эта любовь распространяется, естественно, и на его внука. Микулыч у Ганина «пахарь, плечан-богатырь», он рисуется великим тружеником, преобразующим землю, могучим и, в духе народной традиции, румяным и прекрасным добрым молодцем:

А в том ли во поле с утра за косулей

ходит да нукает правнук Микулы,
Сам – краснощекий,
конь – в серебро...
Ходит, взрывают бугор за бугром...
Пора бы на отдых, и отдых не мил.
Сегодня про отдых и конь позабыл¹.

Лада в славянской мифологии – богиня любви и красоты. Она утверждает лад жизни и благополучие, связана с культом белого лебедя. Её представляли в розовом венке и золотом платье. Лада у Ганина символизирует гармонию и красоту жизни, природное начало, свет и тепло, а в конечном счете – добро и истинную духовность национального мира. Она «гуляет во ржи васильковой», «в лугах поджигает росу», «лебедем красным плывет над дубровой»:

В звездных узорах и крыши, и плиты,
а в тереме ходит Лада-Заря.
Девичьи щеки в румянном пожаре,
пышутся губы нецелованным жаром,
а в тереме горы лучистого льна.
Надо бы прясть, да любовью больная
жарко вздымается девичья грудь...
Ходит Заря да шелка примеряет.
Сядет за прялку и вновь распевает:
«Знала бы я, где богатства раздать,
ах, знали бы губы, кого целовать...» (118)

Национальные черты проявляются даже в портрете героини. Сами древнеславянские мифы уже являются точкой отсчета эпического времени – национального бытия. Образы героев у Ганина даны обобщенно, но реалистически конкретно. Поэт идет не по пути свободной фантастики, а обращается к мифическим образам русского богатыря и древней богини, властительницы природы.

Лада рисуется предельно открытой, немного капризной и избалованной, беззащитной при всем своем могуществе, радостной в счастье и безмерно печальной в горе женщиной. Образ её предельно очеловечен. Конечно, она мифический персонаж, волшебница из сказки, колдунья из народного поверья. Но чем более очеловечен её образ, тем больше сочувствия к ней у читателя. Мифический образ

---

¹ Ганин А. Стихотворения. Поэмы. Роман. Архангельск, 1991. С. 110. Далее сноски на это издание даются в тексте.

Лады близок героиням русских сказок Елене Прекрасной, Василисе Премудрой и Лягушке-царевне. «Да что мне богатства! Тряхну рукавом, / алмазы и золото будут кругом...», – отвечает она на прельщения Нечисти и Нежити. «Лада-Заря запроsvатана за правнука Микулича за вихрастого». Фольклорный мотив так и не состоявшейся свадьбы проходит через все повествование, становится сквозным. Ночь, полонившая Ладу-Зарю, собирается выдавать её замуж за Месяца. Месяц рисуется как иноземец, причудливый гость, чуждый русской богине красоты. Ганин использует контрасты цветовой гаммы своего и чужого мира. Свой – румяный, багровый, красный, золотой, а значит, огненный, горячий; чужой – серебряный, бледный, холодный. «Месяц, печальный, синий и хворый, с поникшим лицом. / Чур, не ему золотое кольцо. / Снегу ли греться у яра огня? / Сам он сгорит и погубит меня», – констатирует Лада.

Несомненно, А. Ганин идет от Блока, когда у него сквозь образ женщины просвечивает образ природы, а дальше мерцает образ Родины. Тема человека и природы уводит к вопросам о путях развития цивилизации, жизни на земле и, более того, к проблемам мироздания.

Сказочный образ богатырского Сивки-коня тоже приобретает черты мифологии, воплощающей сущностные явления реальной жизни и ирреальных духовных явлений. «А конь у пахаря – двоехрапый, / Конь у пахаря и грудаст, и матер». Он обретает огненные крылья, чтобы его хозяин освободил девицу из терема ночи, где красавица томится в плену:

Тут гаркнул Микулыч
на Сивку-коня.
И чудное чудо! вдруг дедова песня сказалась,
умер ли древний владыка земли?
Огненные крылья к коню приросли,
выпрягся конь, закусил удила,
взвился, взмахнул за бугры за поляны... (120)

Тема огня – это тема жизни. Она в поэме сквозная, объединяющая сложный мир в единое целое. В поэтическом мире А. Ганина накладывающиеся на сюжет иные, глубинные связи вовсе не субъективны, так как отражают, в конечном счете, необыкновенно сложный реальный мир.

Действие поэмы разворачивается в былинном поле и космосе, что подчеркивает необъятную широту национального пространства, его вселенский масштаб: «Ой, древнее поле, / былинный родник, / тебя ль лошадиное сердце охватит? / тебя ль человеческий измеряет глаз?», «Зыблется поле с бугра на бугор. / Глянешь – и шире холмы разливаются, / Рощи, леса, в синеву разбегаются... / Птице лететь бы – и тоже умяться, / в поле простор – и широк и велик». Название произведения «Былинное поле» носит хронотопический характер.

Сродни пространству национально-мифологическое время. Тысячу лет идет борьба за единение Земли и Неба, богатырского духа и Божественной духовности, созидательного труда и Красоты: «Черные невгоды за тысячу лет / силу черноземную не выпили, / думы Микуловы не выпрели; / эту силу да думу почуяли / даже те, кто от лени неражие». Крестьяне «тыщу лет думу крепкую думали». Сваτούν Ладу враждебные силы, «свахи недобрые: / Туча за тучей, уж тысячу лет», «тыщу лет, как мы Ладу просватали...». «Уж тысячу лет ожидают поля, / чтоб стать самобранкой – вселенскому люду...» Тот же масштаб времени использован, когда речь идет о вековой мужицкой мечте, о счастье:

А уж тысячу лет нам повелено:
Буде встретим мы Зорьку на пахоте,
будет отдано небо в приданое
и земля – вековая кормилица;
будут ситцем и сахаром дареным
наши хаты доверху завалены. (115)

Время развернуто как в прошлое, так и в будущее. «Али мне снова тысячу лет / В поле веселые песни не петь?» – сетует Лада. «А светлая Лада / через тысячу лет, / да объявится», – так заканчивает поэт свое произведение.

В критике распространено мнение, что в произведениях Ганина выражен пессимистический взгляд поэта на действительность. С этим трудно согласиться. Стихотворец выразил негативное отношение к революционной современности. Новая власть обманула надежды народа. Но жив и род Микулы, жива и Лада. И пусть в далеком будущем, но их воссоединение произойдет, свадьба (поэт предпочитает диалектное слово «сварба») состоится.

Конфликт в произведении разворачивается в духовном мире. С одной стороны – мечта русского богатыря, воплощающая национальную идею, предназначенную Богом цель бытия русского народа вспахать, преобразовать, облагородить землю, заронить в неё семя, которое даст богатые, необходимые человечеству плоды, обрести истинную волю в гармонии с природой и ладе человеческого общежития.

Фактически Ганин вводит современность в бесконечно протяженное национально-историческое время. Мифологическое время их объединяет и делает нерасчленимыми, что помогает понять суть происходящих событий, свидетелем которых является автор произведения. Поэт постоянно подчеркивает: «Сегодня то было, а может, уж тысячу лет...».

Национальный мир и национальный характер не идеализируются Ганиным. С одной стороны – активный и могучий богатырь, а с другой – сонные запечные люди, те же мужики, которых надо разбудить, призвать к действенному труду, осуществлению мечты о сказочном благоденствии: «Где вы, соседи, запечные люди, / древнюю ширь не пора ль расчищать? / Гей, одевайте рубахи багряные, / Неба синей одевайте порты, / В лапти меняйте прогнившие вихти, / Сварба сегодня великая будет, / Будут вам ноне без счету дары». Вот как рисуется с трудом просыпающаяся сонная Русь: «Из хат за околицу выехала чернососная конница, / бородастая, неумытая, непричесанная. / Вон они тоже с утра сошками в земле ковыряются, / Ладу на поля дожидаются, / чтоб высватать Красоту за лапотника, / а небо и землю взять в приданое».

С помощью традиционных мифологем Ганин передает суть современной революционной эпохи: «Недаром он, пахарь, плечан-богатырь, / Разбил у села карачун-Алатырь, / А в роще соловьиной пропел соловьем, / а по селам кричал буйным кочетом». Алатырь в славянской мифологии – всем камням отец или мать, пуп земли, центр вселенной. Это янтарная глыба красного цвета или белый камень, обладающий волшебной силой, исцеляющий болезни. Больше того, в «Голубиной книге» он символизирует Фавор. На этом камне Христос утверждает Веру. Карачун – праздник зимнего солнцестояния. Это подземный бог, повелеваю-

щий морозами. Его слуги – медведи шатуны, оборачивающиеся метелями и вьюгами. Он символизирует тьму, мглу, внезапную смерть. Таким образом, с точки зрения Ганина, русский народ, разбив «карачун-Алатырь», тем самым разрушил основы национальной жизни, предпочтя ее темную, враждебную человечеству сторону светлой, духовной, Божественной, исцеляющей, дающей жизненные силы. И в результате «Лада пропала, Лада ушла». «Шла я сегодня по рощам, по селам, / кликала в поле, да ты не слыхал. / Красный платок на межу уронила, / да ты яровую землей запахал...», – признается героиня.

В результате революции рухнул лад крестьянской и национальной жизни. Пусть за тысячу лет русский народ так и не обвенчался с богиней красоты и благополучия, но Лада была рядом, и пусть не в полном объеме, гармония с природой, с землей все же была. Теперь же она утрачена. Для кого-то покажется мифом «лад» деревенской жизни, но для Ганина это опоэтизированная реальность, а не миф.

В образной форме Ганин показывает результаты революции: «И эхо за тридевять стран откатилось; / тридевять стран на ногах докатилось, / с княжьих голов повалились короны, / как с жухлых деревьев сухие плоды», и кровавые события современности. «Не вы ли захмелели от испарины / у великаго озера, у кровавого? / Не потом ли мужичьим вас распучило?», – обращаются мужики к черным тучам.

В поэме символически рисуется созидательный труд мужичьей Руси, разбуженной революционной эпохой. Речь идет не только о хозяйственной ниве, но и о духовно-нравственной.

Мифологизация природных явлений у Ганина связана с наложением крестьянского быта и традиционного образа мужика на весь окружающий мир. У него «Сгорбился день от мужичьих забот», «А солнышко... смотрит на пахарей, чудается, / лучистую бороду поглаживает», «А черные тучки встали около, / нагуливают груди, перемигиваются, / золотыми кольцами перекидываются». Они обращаются к вихрям: «Вскиньте поле, как скатерть немытую, / мужичье тут и сами рассыплется, / будто крохи от хлеба вчерашнего». Солнышко у Ганина – «огненный лапоть», день – «коробейник забот», ленты в косе – «межи в цвету». Эти и

им подобные выражения уводят к глубокой национальной традиции. Тема природы заявляется в поэме с самого начала. Ведь произведение начинается с пейзажной зарисовки, а затем природа оказывается в центре внимания, изображается в отношении к героям. Больше того, герои тоже часть природы.

В мифологической поэме Ганина широко используются интертекстуальные связи с русскими классиками и ведущими поэтами-современниками. Поэт опирается на традиции народного эпоса, былины, эпоса древнерусской литературы, «Слова о полку Игореве». Характерен зачин: «Быть бы гусяром, / да пращуров гусли утеряны. / Ой, древнее поле, былинный родник, / тебя ль лошадиное сердце охватит? / тебя ль человечий измеряет глаз?» Фольклорные традиции у Ганина доминируют. Он широко использует персонификацию и олицетворения: «Поле древнее вдруг призадумалось», «Тут травы и деревья поклонились». Для него характерна троичность повторов. Например, Нечисть знает три секрета борьбы с народом. Микулыч совершает три скака, чтобы освободить Ладу: «С первого скака – земля позади. / Моря, океаны – позади от второго. / С третьего скака — он ночь проскочил, / Лада уж близко... / Да нет уже сил...» Ганин использует былинный тонический стих с дозированной, чаще всего парной рифмовкой, хотя не отказывается и от силлабо-тоники. Он уделяет внимание инструментровке, различным созвучьям, аллитерации, ассонансам. Поэтом широко используются отрицательные параллелизмы: «Ой, не дуб вековой, / не тайга от Камчатки до Вологды / на лучину грозою расщепана. / А распалась великая рать, / Черношальная сила / Разъехалась».

А. Ганин имел христианское мировоззрение. Хотя в поэме библейский текст почти отсутствует, ей свойственна христианская аксиология. О необходимости истинной веры поэт пишет в поэме прямо. Он утверждает идею любви и соборности. Пахари всем миром обрабатывают поле, «сила Микулыча – сила мирская», «думы мирские – крылья коня».

Как мы уже отмечали, в XX веке происходит усложнение художественного мира вообще и эпического мира в частности. Он всегда многослоен. В русле этой тенденции лежит мифологическая поэма как жанр. Более того, миф делает без-

донным, уходящим в бесконечность смысл образов. Ближе к поверхности лежит социальный смысл произведения, глубже – натурфилософский, экологический. Но, по сути, здесь воплощается философия национальной истории. Встреча с природой, с истинной жизнью, любовью, пробуждение творческих сил человека неизбежно воскрешают историческую память, подчеркивают причастность героя к судьбе Родины. При этом поэме свойственна диалогичность: два взгляда на Россию в силу её двойственности. Вроде бы в герое есть сила богатырская, но он оказался неспособным совершить богатырский поступок – освободить Ладу. В то же время в поэме звучит голос, проникнутый блоковской интонацией, подчеркивающий высоту патриотического духа. В социальном, экологическом, духовно-нравственном и философском планах эта поэма – предупреждение. С первых строк входит предощущение тревоги, опасности, беды. В целом эта поэма о современном русском человеке, который находится на перепутье.

Если жанр – это «форма выражения и осмысления определенных сторон мира»¹, то каждая жанровая разновидность поэмы, дополняя другие, рисует различные грани физического и духовного мира либо пытается понять его судьбу в целом, его структурные связи, его тайные двигательные пружины. Мифологическая поэма стремится перенести явления реального мира в плоскость глобальных обобщений с помощью метаобразов, образов-знаков. Это не лишает поэму А. Ганина подлинного историзма. В ней используется миф в том значении, о котором пишет Р. Барт. С его точки зрения, в широком плане «миф – это коммуникативная система. Миф – это форма»². С помощью мифопоэтической формы А. Ганин пытается достигнуть глубины текста, преодолевая жесткие идеологические рамки, которые уже сложились к 1924 году. Надо сказать, что некоторые структурно-композиционные находки поэмы А. Ганина позже подхватили и широко использовали поэты второй половины XX века: Д. Андреев, Н. Рубцов, Ю. Кузнецов, Л. Васильева и другие.

---

¹ Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М., 1979. С. 352.

² Барт Р. Избранные работы. Семиотика. Поэтика. М., 1989. С. 103.